

Одинъ изъ памятниковъ наступающаго въ русской жизни пятидесятилѣтія.

Въ помѣщенной на страницахъ „Русской Старины“ статьѣ „Воспоминанія идеалиста, принимавшаго участіе въ работахъ по реформѣ крестьянской“ (см. ноябрь 1910 г.) между прочимъ говорится о событіи, которое, несомнѣнно, пріобрѣтаетъ особое значеніе въ виду предстоящей 50-ти-лѣтней годовщины со дня объявленія Высочайшаго Манифеста 19-го февраля 1861 года—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Я говорю о зарожденіи въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ Привислянскаго края мысли—увѣковѣчить память Царя-Освободителя ко времени наступленія двадцатипятилѣтней годовщины введенія крестьянской реформы въ томъ краѣ.

Осуществленію этого проявленія крестьянами чувства благодарности къ почившему Монарху-Императору Александру II-му, оказалъ дѣятельное и горячее содѣйствіе начальникъ края,—покойный генералъ-адъютантъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, Іосифъ Владиміровичъ Гурко. Безъ его содѣйствія и участія благая мысль эта, по всей вѣроятности, осталась бы въ стадіи платоническаго пожеланія, а не облеклась бы въ реальную форму—сооруженіемъ Царю-Освободителю монумента, которымъ съ 1889 г. украшенъ уѣздный городъ Петроковской губерніи—Ченстоховъ, посѣщаемый ежегодно громадными массами окрестнаго населенія.

Съ давнихъ поръ оно почитаетъ своею обязанностью хотя бы разъ въ годъ предпринимать паломничество для поклоненія мѣстной

святынь—„Ченстоховской Богоматери“, чудотворная икона которой хранится въ Ясногорскомъ-католическомъ монастырѣ¹⁾. До полумилліона вѣрующихъ въ теченіе года перебиваетъ обыкновенно въ этомъ городѣ.

Освященіе и открытіе монумента было совершено весной 1889 года съ особой торжественностью, о чемъ сказано въ упомянутой статьѣ.

Считаю не лишнимъ добавить нѣкоторыя подробности, имѣющія тѣсную связь съ мѣстомъ нахожденія монумента и со способомъ осуществленія благого намѣренія мѣстныхъ крестьянъ.

Въ этомъ высокопатріотическомъ дѣлѣ покойному начальнику края, согласно его приглашенію, оказали полное, горячее и единодушное содѣйствіе комиссары по крестьянскимъ дѣламъ, т. е. тѣ, по своему положенію, близко поставленные къ населенію правительственные агенты, которые за многіе годы своей дѣятельности, являясь опекунами крестьянъ, стяжали ихъ уваженіе и пользовались полнѣйшимъ ихъ довѣріемъ.

Городъ Ченстоховъ, съ 20-ю тысячами жителей (по свѣдѣніямъ, которыя у меня были тогда подъ рукой), находится въ Петроковской губерніи, на линіи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. Свое названіе онъ получилъ по поводу холмистаго положенія его окрестностей. Когда приходилось мнѣ на лошадахъ ѣздить въ Ченстоховъ со стороны посада Ольштына, я, съ самаго начала пути, видѣлъ городъ, какъ на ладони, и разстояніе до него казалось мнѣ очень незначительнымъ; затѣмъ городъ то исчезалъ, то вновь появлялся и, по мѣрѣ приближенія къ нему, это появленіе его на протяженіи 18-ти верстъ, отдѣляющихъ его отъ п. Ольштына, повторялось много разъ. Возница—простой ямщикъ, обратилъ мое вниманіе на это, сказавъ по-польски, что городъ „часто скрывается и оттого такъ называется („miato często howa się dla tegoż tak się zowie)“.

Въ самой чертѣ города находится довольно большая возвышенность, носящая названіе „Ясной Горы“, на которой съ незапамятныхъ временъ стоитъ обитель ордена Паулиновъ, подъ названіемъ „Ясная Гора“, откуда и монастырь заимствовалъ свое наименованіе.

Зданіе монастыря окружено каменною оградой и имѣетъ около себя террасу (эспланаду) со стороны величественной городской, каштановой аллеи. Этою именно террасою очень удобно и удачно

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ наши дни отщепенцами изъ числа сыновъ католической же церкви произведено кощунственное ограбленіе драгоценностей со святой иконы; это событіе заставило содрогнуться католиковъ и болѣе-менѣе взволновало весь міръ.

воспользовались для сооруженія на ней памятника незабвенному Царю-Освободителю.

На засѣданіяхъ у І. В. Гурко было избрано это мѣсто. Когда былъ рассмотрѣнъ проектъ памятника и опредѣлилась приближительная цѣна его, покойный призналъ нужнымъ и возможнымъ, къ суммѣ, собранной крестьянами,—около 178 тысячъ рублей, добавить довольно значительную сумму изъ средствъ, ежегодно отпускаемыхъ на расходы въ полное распоряженіе начальника края.

Какъ я уже упомянулъ выше, дѣло стояло такъ, что крестьяне многихъ гминъ (волостей) заявили своимъ войтамъ (старшинамъ) о своемъ намѣреніи послѣдовать совѣтамъ одного изъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, высказаннымъ имъ при объѣздахъ гминныхъ управленій, при чемъ имъ было указано на приближеніе 25-ти лѣтней годовщины реформы крестьянской, благодаря которой бытъ мѣстнаго крестьянства устроился вполне благополучно по мысли Царя-Освободителя, память котораго должна быть увѣковѣчена „благодарными крестьянами края“. Я безъ малѣйшаго промедленія сообщилъ объ этомъ варшавскому губернатору генералъ-лейтенанту барону Николаю Николаевичу Медему; при этомъ, прося его указаній, я ходатайствовалъ о разрѣшеніи—дать благому намѣренію крестьянъ Нешавскаго и Влоцлавскаго уѣздовъ ходъ и, если окажется возможнымъ, дозволить сборъ на этотъ предметъ пожертвованій крестьянъ, согласно выраженному ими желанію; съ тѣмъ вмѣстѣ я высказалъ намѣреніе—сообщить о возникшемъ желаніи крестьянъ товарищамъ, т. е. сосѣднимъ комиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Не много времени прошло, какъ извѣстіе о народившемся благородномъ порывѣ сельскаго населенія сдѣлалось извѣстнымъ по всему Привислянскому краю; нечего и говорить о томъ, что должностныя лица вообще ухватились за эту мысль съ цѣлью поддержать крестьянъ, а крестьяне вездѣ, по свидѣтельству комиссаровъ, обрадовались возможности выразить горячую признательность памяти своего благодѣтеля-освободителя. Скоро они, по собственному почину, начали представлять посильныя пожертвованія въ видѣ денежныхъ суммъ, кое-гдѣ довольно значительныхъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а объ отвѣтѣ варшавскаго губернатора не было и помину. Текущихъ дѣлъ въ то время въ канцеляріяхъ губернаторовъ было, вѣроятно, много, и до того, чтобы крестьянской затѣѣ, обратившейся уже въ нужду, данъ былъ скорый ходъ, очередь дойти все еще не могла.

Пріѣхавъ однажды, по дѣламъ службы, въ Варшаву, я задался задачей—непремѣнно подвинуть это занимавшее меня и мой районъ дѣло. Остановился я у родственника своего, полковника Николая

Дмитріевича Солнцева, который состоялъ адъютантомъ при генералъ-губернаторѣ І. В. Гурко; въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ я, среди знакомыхъ, которыхъ у Н. Д. Солнцева, по обыкновенію, собралось нѣсколько человекъ, выражалъ свое сѣтованіе на то, что, прибывъ съ твердымъ намѣреніемъ „хорошо напомнить“ объ этомъ, уже начавшемъ до нѣкоторой степени волновать крестьянъ, дѣлѣ и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы оно вышло изъ положенія канцелярскаго застоя, — я, совершенно неожиданно для себя, натолкнулся на большую неприятность: дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ иначе, какъ ходатайствуя лично передъ губернаторомъ, было бесполезно, а между тѣмъ баронъ Медемъ, будучи вызванъ телеграммою въ Петербургъ, уѣхалъ туда, и не было извѣстно о времени его возвращенія, и мнѣ пришлось бы возвращаться къ мѣсту моего служенія, не добившись конечнаго результата моего приѣзда въ Варшаву. Такимъ образомъ, закрадывалась невольная мысль, что при подобной обстановкѣ, осуществленіе общаго желанія въ самомъ близкомъ будущемъ — врядъ-ли возможно, а при этомъ само собою зарождалось опасеніе, что дѣло, какъ излишне промедленное, можетъ и совершенно разстроиться. Поэтому-то я рѣшилъ воспользоваться хоть тѣмъ, что всѣ принимавшіе участіе въ разговорѣ и слышавшіе мои жалобы, отнесли къ дѣлу вполне сочувственно, и тутъ же направилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы заручиться отъ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ обѣщаніемъ оказать возможное и сильное содѣйствіе къ устраненію крайне досадной, хотя быть можетъ и невольной, задержки. Нашлись таки лица, которыя пришли къ одинаковому со мной убѣжденію, проникнувшись мыслью о томъ, что въ подобныхъ дѣлахъ всякая задержка является вопіющею, и что отъѣздъ въ Петербургъ должностному лицу слѣдовало предпринять не иначе, какъ обезпечивши такому далеко необычному дѣлу дальнѣйшій, безостановочный ходъ и возможность скорѣйшаго доведенія его до конца.

Самъ хозяинъ Н. Д. Солцевъ, а изъ гостей — состоявшій при одномъ изъ прямыхъ и непосредственныхъ помощниковъ генерала Гурко — полковникъ Малыхинъ — товарищъ Солнцева по воронежскому кадетскому корпусу, были именно изъ числа тѣхъ лицъ, кои отнесли къ моимъ жалобамъ съ полнымъ сочувствіемъ; они и выразили желаніе — попробовать оказать свое содѣйствіе тому, чтобы дѣло было подвинуто. Съ этою только надеждою и пришлось мнѣ возвратиться изъ Варшавы, но безъ твердаго убѣжденія въ томъ, что съ официальной стороны дѣло это направлено на надлежащій и вѣрный путь.

Словомъ, крестьянамъ, которые объ этомъ очень много думали и часто говорили, я не могъ привезти сообщенія хотя сколько-нибудь утѣшительнаго. Зная же ихъ черты характера, т. е. немалую подозрительность, я долженъ былъ прибѣгать къ нѣкоторымъ дипломатическимъ уловкамъ, обнадеживая ихъ въ скоромъ и окончательномъ рѣшеніи интересующаго всѣхъ дѣла; важно было достичь того, чтобы тотъ жаръ, съ которымъ они отнеслись къ дѣлу, не остылъ. Не скажу, чтобы мое нравственное положеніе было завиднымъ при подобныхъ условіяхъ!

Объѣзжая однажды, недѣль шесть или семь позже, гмины своего района, я встрѣтилъ, совершенно неожиданно, полковника Н. П. Малыхина, который, съ цѣлью поохотиться, совершилъ поѣздку къ одному изъ помѣщиковъ, — бывшему его товарищу по тому же воронежскому кадетскому корпусу. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ со мной и, тотчасъ же, наскоро рассказалъ мнѣ нѣсколько очень много значительныхъ новостей по дѣлу, занимавшему не только лично меня, но уже и его самого. По всему видно было, что происшедшій въ Варшавѣ разговоръ нашъ прошелъ далеко не безслѣдно. Все сообщенное имъ мнѣ крайне меня оживило, обрадовало, а главное ободрило на дальнѣйшія хлопоты.

Оказалось, что генераль Гурко, получивъ о желаніи крестьянъ полуоффиціальныя донесенія съ двухъ сторонъ — отъ своего адъютанта Н. Д. Солицева и отъ полковника Малыхина, черезъ посредство его прямого начальника, принялъ дѣло очень близко къ сердцу; оно даже его заняло и какъ-бы встрепенуло, оживило. Кому не была извѣстна кипучая энергія, отличавшая во всякомъ дѣлѣ Іосифа Владиміровича Гурко! Это былъ человекъ, который способенъ былъ, безъ малѣйшаго усилія, въ моментъ созидать нужное и сокращать то, что являлось лишнимъ. Его обезпокоила лишь на минуту мысль о томъ, установилось ли это дѣло повсемѣстно въ краѣ такъ же прочно и доброжелательно, какъ въ томъ районѣ, въ которомъ оно получило начало, т. е. въ моемъ?

„Если да, говорилъ онъ среди близкихъ сотрудниковъ своихъ, то я дамъ ходъ этой, въ высшей степени симпатичной затѣѣ, приду на помощь ея осуществленію и съ особымъ удовольствіемъ доведу это благое дѣло до конца. Мнѣ нужно лишь придти къ тому твердому убѣжденію, что сельчане вездѣ совершенно свободно прониклись этой идеей, и что мысль, зародившаяся въ районѣ комиссара Т., нашла мощный откликъ одинаково во всѣхъ десяти губерніяхъ. Главная моя забота будетъ состоять въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ на такое дѣло никто не напиралъ и не наталкивалъ. Я предложу губернаторамъ подойти съ осторож-

ностью къ этому вопросу и разузнать о немъ вѣрнѣйшими путями. Именно прежде всего и выше всего здѣсь я ставлю осторожность, съ нею мы никогда не попадемъ въ просакъ и не будемъ чувствовать тѣхъ неловкостей, кои могутъ вызываться наличностью массы такихъ друзей, какими мы, по своему положенію въ краѣ, богаты. А какъ только все выяснится опредѣленно и благополучно, такъ сейчасъ же поведемъ дѣло безостановочно, на всѣхъ парахъ. Я буду очень признателенъ тѣмъ должностнымъ лицамъ, кои подхватили промелькнувшую въ представителяхъ населенія свѣтлую мысль, а если дѣло, поддѣтое ими, дойдетъ до конца, часть славы и чести за него не минуетъ ихъ“.

Въ твердыхъ рукахъ І. В. Гурко, дѣло это, кремнистой волей его, подвинулось такъ, что черезъ десять мѣсяцевъ послѣ перваго донесенія ему о немъ, великолѣпный памятникъ Царю-Освободителю уже украшалъ собою площадь возлѣ Ясногорскаго, Ченстоховскаго монастыря ¹⁾.

Такъ генераль Гурко дѣйствовалъ во всемъ! Недаромъ про него сложилось убѣжденіе въ населеніи и въ войскахъ о томъ, что онъ способенъ не только провести черезъ небесныя вершины какую угодно армію, какъ и провелъ въ 1877 году чудо-богатырей, но при нуждѣ, и самыя вершины сдвинетъ!

Населеніе, поставивъ монументъ Царю, воздвигло памятникъ и благородству своихъ чувствъ. Святыня, при которой пріютился памятникъ, высоко чтится католиками, да не менѣе того и православными.

Съ 1889 года г. Ченстоховъ, число жителей котораго нынѣ чуть ли не утроилось ²⁾, сталъ вдвойнѣ дорогъ окрестностямъ: на обширную округу населеніе, дорожащее святынею, съ тѣмъ вмѣстѣ цѣнитъ мѣсто нахождения памяти Царя, рыцарски осчастливившаго сыновъ того края—освобожденіемъ. Не въ этомъ ли и секретъ такого баснословно быстрого роста города?!

Жители Петроковской губерніи изстари занимаются земледѣліемъ, какъ и всѣ жители губерній Привислянскаго края, гдѣ вся торговля въ рукахъ еврейскихъ; имъ, какъ прикрѣпленнымъ къ землѣ, несомнѣнно дороже всего та свобода, которую они получили по волѣ Императора Александра II-го, даровавшаго ее ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сынамъ Россіи и затѣмъ развившаго бла-

¹⁾ Къ сожалѣнію, не удалось своевременно воспроизвести рисунокъ этого памятника. *Ред.*

²⁾ См. русскій календарь Суворина за 1907 годъ: въ Ченстоховѣ числится 53.000 жителей обою пола.

ное дѣло освобожденія—дарованіемъ свободнаго труда ихъ братьямъ полякамъ.

Художникъ-скульпторъ (нынѣ въ живыхъ) г. Опекушинъ ¹⁾ вполне проявилъ свой недюжинный талантъ; онъ, передавъ потомству въ воздвигнутомъ художественномъ памятникѣ на вѣчныя времена благородный обликъ и величественную фигуру Царя-Освободителя и тѣмъ самымъ—обезсмертилъ себя—какъ художника, вложившаго душу въ свое твореніе.

Недавно въ приложеніяхъ къ газетѣ „Новое Время“ появился рисунокъ модели проектируемаго итальянскимъ художникомъ для гор. Кіева памятника—покойному Императору Александру II. Фигура въ этомъ проектѣ представляетъ собой, до нѣкоторой степени, копию той, которая съ 1889 года украшаетъ гор. Ченстоховъ.

Площадь въ 15—20 сажень въ квадратѣ основательно покрыта плитами кѣлецкаго камня на прочномъ бутовомъ фундаментѣ, глубина котораго, несмотря на каменность грунта горы, не менѣе 1—1½ аршина; къ этой обширной площади ведутъ широкія, каменные ступени, съ перилами и вычурною бронзовою рѣшеткою, закрывающею со всѣхъ сторонъ входъ къ квадрату, на которомъ находится самый памятникъ. Вышина гранитнаго цоколя выше аршина; колонна, изъ болѣе темнаго шлифованнаго гранита, доходитъ до трехъ аршинъ. Самая фигура Царя-Освободителя, вылитая изъ темной бронзы, значительно превышаетъ ростъ человѣка.

Художнику до тонкости удалось воспроизвести самую фигуру, а также, носящія отпечатокъ доброты и вмѣстѣ съ тѣмъ величія, черты лица Царя-Освободителя. Каждый, не разъ имѣвшій счастье видѣть незабвеннаго Вѣнценосца и любоваться чертами его лица, поражается сходствомъ, уловленнымъ ваятелемъ.

Съ плечъ Державнаго Царя спускаются далеко за края верхушки постамента складки порфиры, съ неподражаемымъ искусствомъ, художественно представленной тою же бронзою, отливка которой воспроизвела всю фигуру, всѣ принадлежности монумента и атрибуты, его украшающіе.

Правою рукою Державный Вѣнценосецъ указываетъ на свитокъ Указа 19-го февраля 1864 года, развертывающагося изъ-подъ помѣщенной на подушкѣ—царской короны; ниже руки, по другую сторону, на такой же подушкѣ—лежатъ остальные регалии—скипетръ и держава.

---

¹⁾ Онъ же соорудилъ памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II, а, какъ говорятъ, занялъ нынѣ сооруженіемъ памятника Александру III-му въ Москвѣ.

Гербы всѣхъ губерній Царства Польскаго, вылитые изъ одинаковой бронзы, составляютъ вѣнецъ у подножія памятника Царя-Освободителя; тутъ же крупными буквами, на польскомъ языкѣ, изображена надпись: „Царю-Освободителю, Императору Александру II-му отъ благодарныхъ крестьянъ губерній Царства Польскаго“.

Грандіозный, какъ по своей компоновкѣ, такъ и по размѣрамъ, памятникъ ясно виденъ за $\frac{3}{4}$ версты, т. е. на протяженіи всей аллеи, идущей въ прямомъ къ нему направленіи, вдоль лучшей городской улицы, и вполнѣ пропорціоналенъ гигантскимъ, въ готическомъ стилѣ, монастырскимъ постройкамъ, на фонѣ коихъ рѣзко выдѣляется мощная фигура Царя.

Какъ только задрапировывавшая эту фигуру пелена спала, и глазамъ присутствовавшихъ открылся знакомый, дорогой взглядъ, соединяющій кротость съ величавостью—изъ тысячи грудей вырвался возгласъ восторга.

Незабвенная минута эта запечатлѣлась навсегда въ сердцахъ и въ памяти тѣхъ, кому посчастливилось ее пережить при торжествѣ, являющемся совершенно особымъ событіемъ, связующимъ и умиротворяющимъ жизнь братскихъ народовъ, которымъ любвеобильное сердце великодушнѣйшаго изъ Монарховъ указало одинаковый путь—„путь свободнаго труда“.

Горячо помолились всѣ присутствовавшіе въ тотъ день у подножія памятника Великаго Царя,—за упокой его души; такъ же горячо возносится повседневно молитва приходящихъ къ святой иконѣ тысячъ освобожденныхъ крестьянъ; они, завидѣвъ издали привѣтливый обликъ даровавшаго имъ счастье Царя, благоговѣнно обнажаютъ головы и усердно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Трудно болѣе удачно избрать мѣсто для непрерывнаго соединенія такой массы молящихся сердець. Слава и честь незабвенному фельдмаршалу Іосифу Владиміровичу Гурко!

А. Н. Тепловъ.

